

О ДАТИРОВКЕ ПОДОСНОВЫ ПЛАНА ОСАДЫ НОВГОРОДА ШВЕДАМИ В 1611 г.*

План из Военного архива Швеции, озаглавленный «План Новгорода в России с описанием, как его превосходительство граф Якоб де ля Гарди обложил его и взял 16 июля 1611 г.» (рис. 1), является древнейшим известным изображением Новгорода (в дальнейшем мы будем для краткости называть его «планом 1611 г.»). Документ был введен в научный оборот Т. Арне в 1911 г.¹

Первое подробное историческое исследование этого плана было осуществлено В. Л. Яниным. На основе тщательного историко-топографического анализа исследователь пришел к выводу о большой точности и детальности чертежа, особенно в передаче системы новгородских фортификаций (из которых наиболее подробно изображены кремль и Малый Земляной город).²

На эту же особенность шведского плана обратили внимание и Н. Н. Кузьмина и Л. А. Филиппова. Проанализировав план, они пришли к выводу, «что чертеж Новгорода, который шведы использовали в плане осады города в 1611 г., является одним из самых ранних и точнейших чертежей русского города. Он выполнен опытной рукой специалиста на основе инструментально-масштабной топосъемки. Если учесть, что русские карты этого времени были рисованными и не основывались на масштабности, то остается предположить, что топосъемка Новгорода была произведена иностранным специалистом».³

Н. Н. Кузьмина и Л. А. Филиппова четко поставили проблему о различии датировок самого плана⁴ и использованной в нем топографической подосновы. Такая постановка проблемы представляется очень важной и плодотворной для источниковедческой характеристики плана. Еще одной заслугой авторов является привлечение к анализу плана Описи оборонительных сооружений Новгорода 1626 г.⁵ На основе сопоставления сведений этой описи с планом 1611 г. и некоторыми другими источниками подоснову плана 1611 г. они датировали 1584 г., а в качестве возможного ее автора назвали итальянского архитектора, который, по сведениям А. Поссевино, в 1582 г.

* Настоящая работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-01-00159а).

¹ Арне (Т.). Новгород во время шведского владычества по Балтийскому Поморью (1611—1617 гг.) // Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г. М., 1914. Т. 1. С. 533—536.

² Янин В. Л. 1) Планы Новгорода Великого XVII—XVIII веков. М., 1999. С. 8—18; 2) «Чертеж Пальмквиста» и его место в истории новгородских фортификаций // Русский город: (проблемы городообразования). М., 1980. Вып. 3.

³ Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. К вопросу о датировке основы шведского плана осады Новгорода 1611 г. // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1987. М., 1988. С. 471.

⁴ Его датировка 1611 годом ни у кого не вызывала сомнений, что, как теперь выясняется, является ошибкой (см. ниже).

⁵ Новгород Великий в XVII в.: Документы по истории градостроительства. М., 1986. С. 7—23.

Рис. 1. План осады Новгорода шведами в 1611 г.

возводил в Новгороде Малый Земляной город и, возможно, принимал участие в перестройке старых фортификационных сооружений.⁶

Свою датировку Н. Н. Кузьмина и Л. А. Филиппова обосновали следующими соображениями. По их мнению, после большого строительства городских укреплений 1582—1590 гг. и до 1631—1632 гг. сколько-либо значительных работ по переустройству фортификаций в Новгороде не производилось, поэтому Опись оборонительных сооружений Новгорода 1626 г. должна отражать результаты переустройства фортификаций 1582—1590 гг. Однако береговые укрепления северной части Софийской стороны и всей Торговой стороны, описанные в документе 1626 г., на плане 1611 г. отсутствуют. Выход из этого противоречия авторы находят в утверждении, что план отражает ситуацию более раннюю, чем 1590 г., но после завершения основной части работы по переустройству оборонительных сооружений Софийской стороны. В связи с этим время создания подосновы плана они отнесли к 1584 г.⁷

Однако проблема датировки подосновы плана осады Новгорода 1611 г. представляется более сложной. Рассмотрим аргументацию Н. Н. Кузьминой и Л. А. Филипповой.

Первым из аргументов в цепи их рассуждений является утверждение, что шведы не вели никаких «кардинальных перестроек укреплений».⁸ Рассматривая этот аргумент, прежде всего следует учитывать, что укрепления Новгорода к 1611 г. находились в плачевном состоянии. В опубликованном П. В. Седовым документе, относящемся к июню 1611 г., говорится: «...на Софийской стороне во многих местах острог испортился и поваялся, а в иных местах земля осыпалась и лестниц х острогу нет...».⁹ Поэтому шведы, несомненно, были поставлены перед необходимостью укрепить город.

В. Л. Янин считает, что «какие-то фортификационные работы производились при шведах, но они коснулись лишь Детинца и Земляного города».¹⁰ В качестве обоснования своего вывода он приводит описание состояния городских укреплений в грамоте от 21 мая 1631 г. Напомним его: «Около Каменного де города на Софийской стороне, что делал Яков Пунтосов, осыпь крепка и ров добр и к осадному сидению то место крепко, только по той осыпи острог худ».¹¹

Укрепления, которые «делал» Я. Делагарди, на основе сведений данного документа определяются однозначно: это Малый Земляной город. В пользу этого свидетельствуют как локализация этих укреплений «около Каменного города», так и сообщение документа, что «по той осыпи острог худ»: обветшавший («худой») к 1631 г. острог никак не может быть отождествлен с укреплениями самого кремля.

Косвенным подтверждением, что до шведской оккупации на валах Малого Земляного города острог отсутствовал, является сообщение П. Петрея,

⁶ Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. К вопросу о датировке... С. 472.

⁷ Там же. С. 469.

⁸ Там же. С. 468.

⁹ Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. СПб.; Новгород, 1993. Вып. 4 (14). С. 127.

¹⁰ Янин В. Л. Планы Новгорода... С. 31.

¹¹ Новгород Великий в XVII в. С. 24.

побывавшего в Новгороде в начале XVII в.: «Крепость находится в середине города на берегу реки Волхова и с одной стороны обнесена высокими и толстыми кирпичными стенами, а с другой же идет кругом вал и ров». ¹² Какие-либо стены и башни на этом валу Петреем не упоминаются.

Рассмотренные материалы относятся к Малому Земляному городу и свидетельствуют о больших работах, проводившихся на его укреплениях в период шведской оккупации. Но есть основания говорить и об аналогичных работах на укреплениях Торговой стороны. Согласно Описи 1626 г. стены и башни на Торговой стороне находились в довольно хорошем состоянии. В то же время в «Кратком известии о городе Новгороде», составленном одним из членов датского посольства, посетившего Новгород в 1602 г., при описании внешней линии городских укреплений сказано: «Этот город ничем особенно не укреплен, окружен болотистым рвом и раскатом, который почти упал и обвалился». ¹³ Расхождение между этими двумя источниками свидетельствуют о каких-то фортификационных работах, проведенных на Торговой стороне между 1602 и 1626 гг.

Обратим внимание еще на один известный документ. В Описи Новгорода 1617 г. при описании состояния дворов Торговой стороны отмечено: «Тяглых же дворов продали старосты и на *острог* (курсив наш. — Авт.) свезли и на мостовое дело 155 дворов с полудвором». ¹⁴ По Софийской стороне такого подсчета нет, потому что «дворы и лавки пожгли в нугородцкое взятие немецкие люди», но все-таки и здесь «иные дворы розвезли немцы ж». ¹⁵

Весьма примечательным, как нам кажется, является и наблюдение Н. Н. Кузьминой и Л. А. Филипповой над конструктивными особенностями крепостных сооружений Торговой стороны Новгорода и Старой Руссы, отмеченными в Описи укреплений Новгорода 1626 г. и писцовой книге Старой Руссы А. Чоглокова 1624 г. И в Новгороде, и в Старой Руссе их характер одинаков. В Новгороде: «А острог весь около Торговье стороны ставлен в тарасы, а тарасы около всего острога рублены на сухих местех в пять венцов, а на мокрых местех — в шесть венцов». В Старой Руссе: «Острог стоячей в тарасах, а тарасы около всего острогу рублены в пять венцов и насыпаны землей». ¹⁶

¹² Великий Новгород в иностранных сочинениях XV—начала XX века. Великий Новгород, 2002. С. 72.

¹³ Там же. С. 67.

¹⁴ Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. С. 167.

¹⁵ Там же. С. 168. В связи с этим представляет большой интерес одно наблюдение Н. Н. Кузьминой и Л. А. Филипповой над конструкцией башен, как она рисуется по Описи 1626 г. Они обратили внимание «на многообразии планов (от четырехугольных до девятиугольных представлены все многоугольники, кроме семиугольного плана)» башен острога Малого Земляного города (Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Новое о деревянном крепостном зодчестве Древней Руси // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 547). Чем это вызвано? Как представляется, это могло быть связано с тем, что для строительства использовали не специально заготовленную древесину, а бревна от разобранных дворовых построек. При строительстве их сортировали по длине. Из самых длинных рубили 4-угольные башни, затем 5-, 6-, 8- и 9-угольные. При этом размеры башен получались примерно одинаковые.

¹⁶ Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997. С. 56.

Для нас особенно важным является то обстоятельство, что старорусская крепость, описанная в писцовой книге 1624 г., была построена шведами около 1612 г.¹⁷ Поэтому отмечаемое исследователями ее конструктивное сходство с новгородской крепостью (как она рисуется Описью 1626 г.) представляется весьма знаменательным.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что шведы в Новгороде активно занимались переустройством фортификаций и Опись 1626 г., скорее всего, и отражает те изменения, которые произошли в период шведской оккупации. В связи с этим привлечение сведений этой описи к анализу плана 1611 г. требует большой осторожности и тщательного обоснования правомерности такого привлечения в каждом отдельном случае.

В качестве главного аргумента в пользу ранней даты подосновы плана Н. Н. Кузьминой и Л. А. Филипповой выдвигается отсутствие береговых укреплений Неревского конца и Торговой стороны. В. Л. Янин считает, что эти укрепления были построены между 1584 и началом 1590-х гг.¹⁸ Н. Н. Кузьмина и Л. А. Филиппова, разделяя эту точку зрения, сделали вывод, что именно они зафиксированы в Описи 1626 г.¹⁹ Но есть ли основание так считать?

Хотя в писцовых книгах Софийской и Торговой сторон 1586 г. в береговых частях указаны дворовые места, отошедшие «под городовое дело», сведения о том, что эти береговые укрепления в Неревском конце и на Торговой стороне были в это время реально построены, отсутствуют. С ранней датой строительства береговых укреплений Неревского конца не согласуются сведения, извлекаемые из челобитной Николо-Розважского монастыря 1668 г., в которой сказано: «В прошлых годах изстари до неметцкого разорения дана была в монастырь Николы чудотворца порожняя огородная земля за Средним Деревянным городом за ровью на Софейской стороне от Николского Розважского монастыря до реки Волхова на пропитание братии <...> И с новгородского разоренья та монастырская земля лежала впусе многое время, что тот монастырь был не построен. И как делан Большой Деревяной город, и та земля взята под городовую стену и под кузницы...»²⁰ Здесь мы видим, что первое строительство стены по берегу близ Николо-Розважского монастыря монахи относили ко времени после оккупации.²¹

Двумя абзацами ниже будет приведено еще одно наблюдение, свидетельствующее против ранней даты зафиксированных в Описи 1626 г. береговых укреплений — уже на Торговой стороне. Таким образом, разбор аргументации Н. Н. Кузьминой и Л. А. Филипповой показывает, что для датировки подосновы рассматриваемого плана 1584 годом отсутствуют достаточные

¹⁷ См.: *Строков А. А.* Отчет об археологических работах в Старой Руссе в 1939 г. // НИС. Новгород, 1940. Вып. 7. С. 20.

¹⁸ *Янин В. Л.* Планы Новгорода... С. 32—35.

¹⁹ *Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А.* К вопросу о датировке... С. 468—469.

²⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2080. Л. 1.

²¹ На плане 1611 г. вдоль северного берега Софийской стороны видна изломанная линия, которую исследователи единодушно отождествляют с земляной подсыпкой под береговую стену. Опись 1626 г. указывает на наличие здесь размытого земляного вала и башенных мест. Т. е. в обоих этих документах каких-либо стен и башен на этом участке не зафиксировано. Эти данные вполне согласуются с информацией, содержащейся в челобитной 1668 г.

основания. Но имеется еще одно обстоятельство, заставляющее датировать эту подоснову более поздним временем.

Обратим внимание на один объект, обозначенный в южной части плана. (рис. 2). Здесь изображено сооружение, соединяющее правый берег Волхова с одним из многочисленных островов, расположенных по реке; на плане оно снабжено надписью: «мельницы». Эти мельницы были возведены в 1600 г. и подробно описаны в летописи: «...повелением царя и великого князя Бориса Федоровича зачата в Великом Новгороде мельница делати на Волхове; поставлены три анбары, а жерновов во всяком анбаре по пяти и по шти, и болши; и казна збирается великая. И рыбная ловля и мост через Волхов. И всем людям во удивление: в таком великом месте мельница учинилася».²² Удивление, которое вызвала мельница у летописца, не случайно. Она представляла собой грандиозное и очень сложное по тем временам гидротехническое сооружение.²³

На плане 1611 г. на Торговой стороне от Славенской башни до плотины в виде длинного ряда точек изображено какое-то сооружение. В. Л. Янин интерпретировал его как ограду государева двора и сада.²⁴ Такое объяснение представляется неверным. Обратим внимание, что это сооружение, начинаясь от Славенской башни, доходит точно до мельничной плотины. Представляется несомненной взаимосвязь этих двух сооружений. По-видимому, это сооружение следует интерпретировать как конструкцию, усиливающую берег южной части Торговой стороны и предохраняющую его от размывания водами Волхова вследствие работы мельничной плотины. Очевидно, эта конструкция должна быть синхронна мельничной плотине, т. е. датироваться 1600 г. (или, корректнее, не ранее 1600 г.). В Описи 1626 г. на этом участке берега кроме стены отмечены 4 башни. На плане мы никаких башен здесь не видим. По-видимому, это свидетельствует об их сооружении в более позднее время, чем 1600 г., и является еще одним аргументом против мнения об отражении Описью 1626 г. новгородских фортификаций 1580-х гг.

Вернемся к изображению мельницы на плане. По сохранившимся источникам ее можно представить как плотину, соединявшую оба берега Волхова и использовавшую Юрьевскую рель как естественное основание для устройства городской моста. На плане мы видим, что плотина упирается в один из островов, расположенных по руслу Волхова. При этом на островах отчетливо видны остатки моста (или насыпи), имеющего направление к Лебяжьей башне Софийской стороны. Другими словами, часть плотины, подходившая к Софийской стороне, изображена полуразрушенной. Когда же произошло это разрушение?

В Архиве СПбИИ в собрании Н. П. Лихачева находится челобитная новгородских воевод Михаила Катырева-Ростовского и Ивана Салтыкова и дья-

²² ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 202.

²³ Как особая достопримечательность государевы мельницы были отмечены в уже упоминавшемся «Кратком известии о городе Новгороде» датского посольства 1602 г.: «Из крепости на другую сторону ведет прочный и длинный мост, а на стороне нового города много прекрасных водяных мельниц, очень крепко построенных на реке» (Великий Новгород в иностранных сочинениях XV—начала XX века. С. 67).

²⁴ Янин В. Л. Планы Новгорода... С. 33.

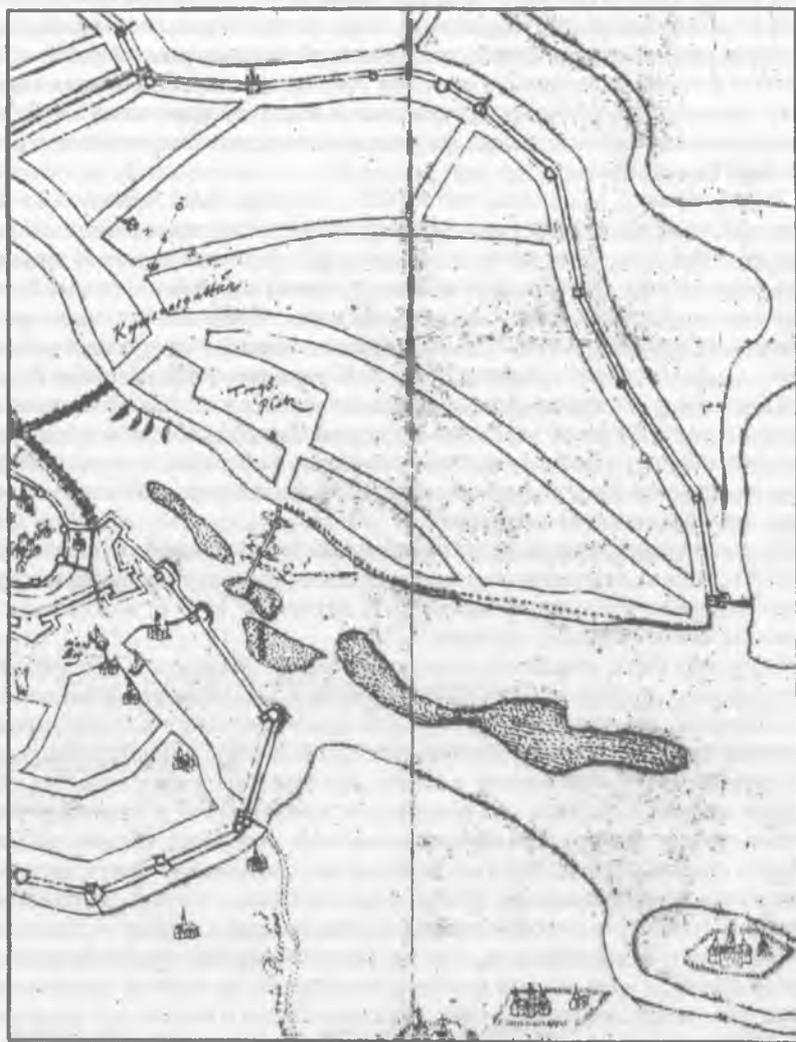

Рис. 2. План осады Новгорода шведами в 1611 г. Деталь.
Водяная мельница на р. Волхов

ков на имя Лжедмитрия I, датируемая по содержанию концом сентября 1605 г. В ней сообщается об аварии на мельничной плотине, происшедшей весной 1605 г.: «...в прошлом деи, государь, во 113-м году на Волховском запоре на Софейской стороне вешнею водою осыпной вал, где была городовая стена, промыло в дву местех, а проезжие трои мельничные ворота на Софейской стороне не заперты, и вода деи, государь, вся пов(о)ротила в те незапертые ворота <...> Мост и городни подмыло, и вода вся идет на Мя(чи)но через вал и в промывные мест(а, и в) том деи, государь, мельничному молотью поруха и н(е)добор».²⁵

Таким образом, мы видим, что в 1605 г. плотина была значительно повреждена. Судя по изображению на плане 1611 г., ремонтные работы проведены не были и западная часть плотины (на «Софейской стороне») продолжала разрушаться. Последствия этих разрушений отражены в одном более позднем документе. В писцовой и межевой книге 1685—1686 гг. приводятся сведения из документа 1648/49 г., в котором сообщается следующая информация: «...на Софеской стороне, едучи от Каменного города берегом подле реки Волхова к Воскресенскому девичю монастырю <...> два островки. А старожилцы сказали, что де те два островки отмыло водою в то время, как построены были на Волхове великих государей мельницы, а до того мельничного строения был грацкой животинной выгон по реке по Мячину от города с теми островками с одного».²⁶

На плане изображена ситуация, близкая к описанной в документе 1648/49 г., хотя на островках еще видны следы от конструкции плотины. Это свидетельствует, что план не может быть датирован 1605 г., а относится к несколько более позднему времени.

Но, может быть, ситуацию, возникшую в 1605 г., просто поместили на более раннюю подоснову? Для выяснения такой возможности обратимся к рассмотрению характера изображений на плане. Обращает на себя внимание различный способ изображения трех групп объектов. Фортификационные сооружения и мельничная плотина изображены здесь в плане, а постройки кремля и церкви (не говоря уже о войсках) — в аксонометрии (третью группу объектов составляют монастыри северного предместья Софийской стороны, планы которых изображены совершенно фантастически и диссонируют с остальными изображениями плана). Первая группа изображений отличается высокой степенью детализации, а вторая — большой условностью и единообразием. Это позволяет говорить, что изображения фортификаций и мельничной плотины выполнены по единой программе. Кроме того, изображение островов, образовавшихся в результате разрушения части плотины, хорошо вписывается в общую композицию плана Новгорода. Все это не позволяет считать план 1611 г. механическим объединением сведений, относящихся к разным периодам.

Полагаем, что приведенные материалы свидетельствуют, что топографическая подоснова плана осады Новгорода в 1611 г. представляет собой единовременно выполненный чертеж, который появился не ранее 1605 г.

²⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 104. Д. 50.

²⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 313. Л. 421 об.—422.

Что касается определения более точного времени его выполнения, то для этого требуются дополнительные архивные изыскания. Предположительно представляется, что подоснова плана могла быть снята шведскими картографами после взятия Новгорода и отображает реальную картину топографии фортификационных сооружений города в начальный период пребывания в нем шведов.

Дополнительные сведения, подтверждающие правомерность такого подхода к датировке подосновы плана, приведены в одном из докладов международной конференции «Шведская Новгородика» (Великий Новгород, 15—17 октября 2002 г.).

Напомним: при публикации плана в 1911 г. Т. Арне высказал предположение, что он может быть датирован 1611 г.²⁷ Эта датировка впоследствии ни у кого не вызвала сомнений, и на ее основе сложилось ничем не подтвержденное мнение, что план был приложен Якобом Делагарди к отчету о взятии Новгорода.²⁸ Между тем, как стало известно из доклада Бьерна Эверта «Старые карты Новгородской земли в Военном архиве Швеции», шведские исследователи считают, что план выполнен рукой шведского картографа Улофа Ханссона, скорее всего, около 1635 г. Улоф Ханссон родился в 1599 г., умер в 1644 г., картографией стал заниматься с 1625 г.²⁹ Возможно предположить, что, воссоздавая по чьему-то заказу картину военных действий при осаде Новгорода шведами, Улоф Ханссон воспользовался в качестве подосновы топографическим планом Новгорода, выполненным его предшественниками.

²⁷ Арне (Т.). Новгород во время шведского владычества... С. 533.

²⁸ Янин В. Л. Планы Новгорода... С. 8, 17; Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Крепостные сооружения... С. 57—58.

²⁹ Сердечно благодарим Бьерна Эверта за консультацию и возможность ознакомиться с цветной фотокопией плана.